

Захарьин Г.А.

**Клинические лекции и
избранные статьи**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 61
ББК 5
3-38

3-38 **Захарьин Г.А.**
Клинические лекции и избранные статьи / Захарьин Г.А. – М.: Книга по Тре-
бованию, 2013. – 594 с.

ISBN 978-5-458-38314-1

Полный текст клинических лекций по внутренним болезням. Книга не
переиздавалась.

ISBN 978-5-458-38314-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Предисловіе ко 2-му изданію.

Первое изданіе все разошлось. Екатерина Петровна Захарьина пожелала выпустить второе изданіе, и мы отыскали еще двѣ статьи покойнаго Григорія Антоновича Захарьина: 1) „О холерѣ, въ особенности объ ея лѣченіи“. 2) „Здоровье и воспитаніе въ городѣ и за городомъ“, которыя и сочли нужнымъ включить въ это изданіе.

Въ продолженіе 45 дней 3000 экз. были распроданы. Такой необыкновенно быстрый успѣхъ книги и самые лестные и теплые отзывы, полученные отъ многочисленныхъ учениковъ покойнаго Григорія Антоновича, служатъ яснымъ доказательствомъ цѣнности и научнаго значенія „Клиническихъ лекцій и избранныхъ статей“.

Не наводитъ-ли все это на глубокія размышленія?! И не въ правѣ-ли мы вмѣстѣ съ Надсономъ сказать:

Не говорите мнѣ: онъ умеръ,—онъ живетъ,

Пусть жертвенникъ разбитъ,—огонь еще пылаетъ.

Пусть роза сорвана,—она еще цвѣтетъ,

Пусть арфа сломана,—аккордъ еще рыдаетъ!..

В. Смирновъ

Москва.
23-го декабря 1909.

Предисловіе къ 1-му изданію.

Въ послѣдніе годы своей преподавательской дѣятельности Григорій Антоновичъ Захарьинъ напечаталъ отдѣльными выпусками часть своихъ клиническихъ лекцій. Изданіе этихъ лекцій встрѣтило сочувственный отзывъ и въ свое время все разошлось. Въ нынѣшнемъ году вдова покойнаго, высокоуважаемая Екатерина Петровна, задумала снова выпустить въ свѣтъ труды покойнаго мужа и просила меня собрать статьи и выпустить ихъ отдѣльнымъ изданіемъ. Я съ большою охотой принялъ на себя эту обязанность и, насколько мнѣ позволили условія, собралъ все, что заслуживаетъ вниманія и можетъ принести пользу.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что собранныя лекціи къ глубокому сожалѣнію не полны, и что болѣзни сердца, сосудовъ, обмѣна и многіе другіе отдѣлы не были разобраны отдѣльно съ той оригинальной тщательностью, которая составляетъ отличительную черту вообще клиническихъ лекцій и собесѣдованій покойнаго Захарьина: хотя и въ изданныхъ лекціяхъ часто встрѣчаются

указанія на заболѣванія сердца, легкихъ, печени и т. д. Отличительной чертой этихъ лекцій является ясность и логика мышленія. Въ каждомъ отдѣльномъ разборѣ больного выступаетъ глубокая наблюдательность, основанная на личной опытности этого выдающагося трудолюбиваго работника. Благодаря несомнѣнному исключительному таланту эти лекціи отличаются сжатостью, краткостью, точностью и практичностью. Самую драгоценную часть въ этихъ лекціяхъ составляютъ, несомнѣнно, разспросы больныхъ. Это есть оригинальное достояніе такъ называемой Захарьинской школы. Разспросъ основанъ на логикѣ всѣхъ медицинскихъ свѣдѣній, подтвержденъ массой наблюденій, обработанъ вдумчивымъ, усидчивымъ, геніальнымъ клиницистомъ, и каждый, читая его и вдумываясь, согласится, что несмотря на массу физическихъ пособій, которыми мы пользуемся въ настоящее время при діагностикѣ болѣзней, подобный разспросъ играетъ выдающуюся роль, не только пополняя и направляя наши свѣдѣнія къ познанію болѣзни, но и служа основой для индивидуальнаго лѣченія.

Въ продолженіе 35 лѣтъ аудиторія слушала, получалась и наслаждалась гармоніей такого разспроса. Я считаю это главнымъ ключомъ, главнымъ гвоздемъ всей славной медицинской дѣятельности покойнаго Захарьина. Это составило гордость и оригинальность терапевтической школы Московскаго Университета. Какъ бы ни видоизмѣнялись наши свѣдѣнія и медицинскія пособия, симптомы болѣзни всегда останутся одни и тѣ же; а умѣнье наблюдать и формулировать ихъ, умѣнье

дѣлать логическіе и правильные выводы составляетъ индивидуальную принадлежность врача, который изъ массы основныхъ и преходящихъ симптомовъ создаетъ картину прошедшаго и настоящаго состоянія больного, какъ талантливый художникъ отдѣльными незамѣтными штрихами возсоздаетъ вѣчную красоту природы или собираетъ разрозненные звуки въ аккорды и гармоніи.

Еще одна черта Григорія Антоновича—это глубокая сосредоточенность, которая вездѣ въ лекціяхъ чувствуется. Отсюда и въ настоящее время всѣ лекціи носятъ характеръ необыкновенной свѣжести и красоты. Если вѣрно, что гений есть терпѣніе, сосредоточенность и усидчивость въ работѣ, то должно сказать, что всѣми этими свойствами обладалъ покойный Захарьинъ, и потому я убѣжденъ, что данную книгу съ удовольствіемъ и съ пользою прочтетъ и старый, и начинающій врачъ.

Спѣшу выразить благодарность досточтимой Екатеринѣ Петровнѣ, какъ бывшій ученикъ, товарищъ и почитатель ея покойнаго мужа.

В. Смирновъ

Алексинъ.
30-го іюля 1909.

Памяти Г. А. Захарьина *).

„Мм. Гг. Мы собрались сегодня, чтобы почтить память одного изъ старѣйшихъ нашихъ членовъ, одного изъ выдающихся дѣятелей нашего Университета и знаменитаго практика врача—покойнаго Григорія Антоновича Захарьина.

„Господинъ предсѣдатель почтилъ меня довѣріемъ сказать нѣсколько словъ о Григоріи Антоновичѣ. Я съ благодарностью принялъ подобное предложеніе, такъ какъ оно отвѣчаетъ моей внутренней потребности чѣмъ-нибудь и какъ-нибудь отблагодарить человека, который первый основалъ или, по крайней мѣрѣ, споспѣшествовалъ основанію Гинекологической клиники. И я принялъ предложеніе, но принялъ его съ сознаніемъ, что мои воспоминанія, которыми хочу занять ваше вниманіе, будутъ коротки, отрывочны и я буду счастливъ, если мнѣ удастся хоть нѣсколькими штрихами возстановить въ вашей памяти замѣчательный образъ Григорія Антоновича.

*) Рѣчь, читанная въ засѣданіи Физико-Медиц. Общ. 1898 г.

„Высказать характеристику человѣка вообще трудно, но когда это касается выдающагося дѣятеля съ обширною и продолжительною дѣятельностью, съ громкимъ именемъ, тогда это становится еще труднѣе. Тѣмъ паче, что время истекшее со дня кончины еще очень коротко.

„Однако, я зналъ покойнаго въ продолженіе 30 лѣтъ, зналъ его будучи студентомъ, врачомъ, преподавателемъ, товарищемъ и это даетъ мнѣ право, на основаніи самыхъ искреннихъ и дружескихъ отношеній, сказать о немъ, что всегда для меня составляло и составляетъ основу и почву тѣхъ почтительныхъ теплыхъ отношеній, которыя я питалъ къ покойному въ продолженіе 30-лѣтняго знакомства.

„Захарьинъ не пережилъ срока профессорской жизни. Какъ это ни странно, но огромное большинство профессорской коллегии умираетъ между 60 и 70 годами. Кажется, вѣдь, какіе крѣпыши были, казалось вѣку не будетъ, а между тѣмъ рѣдко кому удавалось переживать этотъ срокъ. Да, не легка дѣятельность профессорская, а для Захарьина въ особенности она была тяжела, трудна. Жизнь его была боевая и все онъ взялъ съ бою; съ бою непрерывнаго, продолжавшагося 45 лѣтъ, то-есть почти треть жизни и дѣятельности Московскаго Университета.

„Итакъ, сегодня мы вспоминаемъ человѣка, потрудившагося на выдающемся посту полстолѣтія. Въ эти полстолѣтія удалось ему, благодаря напряженному и непрерывному труду и таланту, достичь двухъ вещей: поднять имя русскаго врача и обосновать его

независимость. Кто не знаетъ, что еще 30 лѣтъ тому назадъ достаточно было имѣть иностранную фамилію, чтобы пользоваться уже преимуществомъ—были цѣлыя учрежденія, куда съ русскимъ именемъ попасть было мудрено, а попавъ приходилось быть на второстепенномъ посту. На долю дорогихъ для насъ именъ и лицъ: Бабухина, Тольскаго, Шереметевскаго, во главѣ съ Захарынымъ, выпала тяжелая работа поднять имя и знамя ученаго русскаго дѣятеля, возвести его на должную высоту и дать его дѣятельности широкій и независимый просторъ. Григорій Антоновичъ, какъ клиницистъ, какъ практикъ, какъ писатель, съ честью держалъ поднятое знамя на высотѣ и окончательно утвердилъ его своею работой, своими учениками и своею школой. Да будетъ же имя его помянуто въ этомъ направленіи, какъ одного изъ первыхъ, пробившихъ дорогу и путь Русскимъ людямъ.

„Вторая выдающаяся черта—черта, проходящая красною нитью въ его дѣятельности, составляющая основу его характера и существа—была независимость. „Врачъ долженъ быть независимъ, говорилъ покойный, не только какъ поэтъ, какъ художникъ, но выше этого, какъ дѣятель, которому довѣряютъ самое дорогое—здоровье и жизнь“. И за эту сторону и за это основаніе своей врачебной дѣятельности онъ боролся до конца. Ни угрозы, ни ласки, ни лица, ни положеніе не могли поколебать его въ этой истинѣ; вся жизнь и дѣятельность его были принесены для утвержденія и обоснованія этого положенія. И надо сказать онъ достигъ этого.

„Кто не помнитъ, какъ врачи стояли у притолки, не смѣя сѣсть, какъ были врачи, которые могли лѣчить только крѣпостныхъ людей, какъ были домашніе врачи, походившіе на какихъ-то часовщиковъ, являвшіеся во фракахъ въ установленные часы справляться о здоровьѣ господъ, за что милостиво и выдавалось имъ вознагражденіе изъ конторы и отпускались „пайки“ къ празднику: мукой, овсомъ, птицей и т. д., которыхъ иногда допускали и иногда терпѣли, но на трудъ, совѣты и время которыхъ смотрѣли легко и необязательно и на присутствіе врача смотрѣлось скорѣе какъ на обстановку, чѣмъ какъ на насущную необходимость.

„Да, теперь этого уже ничего нѣтъ. Въ числѣ людей, уничтожившихъ все это, на первомъ мѣстѣ стоитъ Захарьинъ.

„Врачъ есть хранитель здоровья“, говорилъ покойный, и поэтому дѣлай все и вся такъ, какъ онъ указываетъ. „Измѣни обстановку, измѣни дѣятельность, измѣни образъ жизни, если хочешь быть здоровымъ“. Эти положенія были проведены въ жизнь и гигиену общества. Захарьинъ по праву можетъ быть названъ общественнымъ гигиенистомъ.

„Еще свѣжи въ памяти антресоли, парадныя комнаты, темныя и вопющія спальни, тѣсныя дѣтскія, постели у стѣнъ и т. п. Кто не помнитъ повальнаго обжорства и пьянства—кто не знавалъ, какіе грубые и дикіе нравы царили въ нашемъ обществѣ. Воздухъ считали за ничто, чѣмъ теплѣе и духовитѣе, тѣмъ полезительнѣе; и обыкновенно эта духовитость начи-

налась съ параднаго крыльца и доходила до спаленъ, какъ мѣстъ невидимыхъ и посторонними непосѣщаемыхъ. Кто уничтожилъ это, кто стучалъ палкой и доводилъ добродушнаго хозяина до пота въ лицѣ, чтобы тотъ уяснилъ себѣ весь вредъ этого и всю необходимость и все высокое значеніе воздуха, свѣта, движенія, нравственнаго и физическаго воздержанія? Это тотъ же Захарыинъ, тотъ гигиенистъ, котораго люди слушались и говорили—„Это Захарыинъ запретилъ“.

„Захарыинъ принадлежалъ къ числу чистыхъ терапевтовъ—ни разу въ жизни онъ не коснулся пожа, хотя хирургию ставилъ высоко и отводилъ ей обширное мѣсто. Онъ былъ вѣрующимъ въ медицину и терапію безусловно. И поэтому при такой вѣрѣ былъ очень осмотрителенъ, щепетильно остороженъ въ назначеніи средствъ и пособій. Помню, еще будучи студентомъ, ординаторамъ клиники дозволялось самостоятельно назначать по 4 гр. въ день хинина, а если требовалось 6 гр., то безъ профессора нельзя, и профессоръ читалъ объ этомъ лекцію. Вѣру въ лѣкарства и ихъ дѣйствіе онъ сохранилъ до конца дней.

„Разсказываютъ, что на порогѣ смерти, когда возникъ вопросъ о приглашеніи кого-либо къ больному, онъ сказалъ: „„Зачѣмъ звать, чтò онъ вамъ поможетъ? развѣ вы не все сдѣлали? очистили желудокъ, поставили пиявки, мушку, дали бромъ—терапія все сдѣлала, а остальное не въ нашей власти““. Сколько въ этихъ предсмертныхъ словахъ вѣры и убѣжденности. Да, онъ былъ убѣжденный врачъ и когда да-

валъ совѣтъ онъ не жалѣлъ ни времени, ни обстоятельствъ, ни краснорѣчія.

„Извѣстно, что два, три часа занятія съ однимъ больнымъ не составляло рѣдкости. Выработывался совѣтъ добросовѣстно, усердно и продолжительно. Онъ былъ крайне памятливъ на больныхъ и окружающія ихъ обстоятельства. Случалось чрезъ 5—6 лѣтъ видѣть ему повторныхъ больныхъ и не рѣдкость, что онъ вспоминалъ ихъ отлично и тѣмъ удивлялъ больного и окружающихъ и возбуждалъ невольное до-
вѣріе.

„Свѣжесть и ясность памяти были присущи ему и на лекціяхъ, гдѣ, демонстрируя больныхъ, онъ ясно и отчетливо вспоминалъ бывшіе случаи, проходившіе предъ слушателями воочію. Если при этомъ взять его лаконичность, образность и логическую ясность, то получались всегда живыя поучительныя бесѣды, излагаемыя своеобразнымъ слогомъ, полныя удачными сравненіями и оригинальнаго краснорѣчія. Онъ былъ точенъ и аккуратенъ въ аудиторіи, у больныхъ, съ окружающими и въ жизни. Его аккуратность доходила до утомительности, потому что заставляла повторяться и внушать. Куріозно было смотрѣть, какъ близкіе больного, сначала съ поразительною внимательностью слушавшіе Григорія Антоновича, потомъ видимо утомлялись и нерѣдкость было видѣть на ихъ лицахъ усталость и нетерпѣливое выраженіе: „да ужъ кончай, все помнимъ, вѣдь ужъ битый часъ все идетъ объ одномъ“. Захарьинъ умолкалъ и вдругъ неожиданно спрашивалъ: поняли ли его совѣтъ и какъ